

Op 81
Б 42
А-396172

Е.Н. Бекасова

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ОРЕНБУРЖЬЯ

Tribun EU
2022

Op 81
Б42

Op 81
81.411.2-025.7
+ 81.006.35

а - 396142

Е.Н. Бекасова

ЯЗЫКОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ОРЕНБУРЖЬЯ

монография

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Tribun EU
2022

КР

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. ВРЕМЯ, РАЗЛИТОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ	13
§1. Об особенностях процессов интерференции в оренбургских русских говорах	13
§2. К проблеме заимствований в русских говорах в условиях этноязыковых контактов.....	23
§3. Историко-культурный диалог народов Оренбуржья (по материалам записей Б.А. Моисеева)	36
§4. Об особенностях семантического пространства русских диалектов (на материале Новгородского и Оренбургского областных словарей)	43
§5. Оренбургское пуховязание в контексте русской традиционной культуры (к постановке проблемы)	46
Глава II. ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ОРЕНБУРЖЬЯ	55
§1. «ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ?»	55
1.1. Традиции и инновации в современных антропонимических системах (по данным русского и тюркского именников).....	55
1.2. К проблеме коннотации антропонима в условиях полиэтнического региона	59
1.3. Закономерности организации антропонимической системы в условиях глобализации (психолингвистический аспект)	64
§2. «ПРОЗЫВЧИВЫЙ НАРОД»	80
2.1. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера	80
2.2. Креатив на грани языков.....	93
§3. «ЯЗЫК ЗЕМЛИ».....	100
3.1. О некоторых особенностях оренбургского топонимического ландшафта	100
3.2. Топонимические легенды Оренбуржья	116
3.3. К проблеме гетерогенности ономастического фона Оренбуржья.....	126
3.4. Политический «окрас» и прозвищное отражение урбанонимии г. Оренбурга	129
Глава III. ОРЕНБУРЖЬЕ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	141
§1. Язык СМИ в оценке оренбургских и московских студентов	141
§2. Отражение динамики медийного пространства в сознании оренбургских студентов.....	144
§3. Эффект медийного отражения в социальных сетях	150
Глава IV. «ВОССОЗДАНИЕ ВНУТРИ СЕБЯ МИРА»	163
§1. Симбиоз исконного и заимствованного в молодёжном сленге.....	163
§2. Облик женщины в «мужском языке»	169
§3. Слово, направляющее жизнь: лингвистические размышления.....	173
Глава V. ДОСТОЯНИЕ ОТЕЧЕСТВА	185
§1. ПЕТР ИВАНОВИЧ РЫЧКОВ	185

1.1. Оренбургский Нестор	185
1.2. Регистры языковой личности П.И. Рычкова: летописно-канцелярский настрой	193
1.3. «Неложная и беспристрастная» домашняя история И.И. Неплюева и П.И. Рычкова	200
§2. ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ	206
2.1. Оренбуржье: лингвистическое провидение В.И. Даля.....	206
2.2. В защиту В.И. Даля: отражение становления норм русского литературного языка в «Толковом словаре живого великорусского языка»	213
2.3. «Пришла пора подорожить народным языком...»	218
§3 БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ МОИСЕЕВ	237
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	248

ВВЕДЕНИЕ

Бесценное пособие к познанию национальной биографии

В отточенном определении В.И. Даля, знавшего всё о русском слове, кроется важная истина: действительно, в слове, аккумулирующем в метафорическом восприятии язык, есть жизнь, в которой отражается и своеобразно преломляется не только жизнь отдельного человека, но и всего человечества. Однако не всегда человек ценит и оценивает слово, которое было истоком и продолжает оставаться важнейшей частью его жизни.

Развитие языка и восприятие носителями своего языка находятся в диаметрально противоположных отношениях: насколько язык движется к общему образованному языку нации и государства, а в идеале и всего человечества, настолько «в языке сейчас всё настойчивее ищутся такие ипостаси, как – детский, родной (материнский), государственный, общегосударственный, деловой, официальный, производный, научный, художественный (язык театра и беллетристики), специализированный, а с учётом его существования за пределами истинной родины ещё и мировой, международный, региональный (*lingua franca*), иностранный, групповой (язык диаспоры), семейный (иной раз только в бесписьменной форме!), второй, третий и т.д.» [13: 13]. Парадоксальное утверждение летописца Нестора, что восточнославянский язык с его развитой функциональной парадигмой вместе с текстами древнейшего литературно-письменного языка славян «един», корректируется только первой в русистике концепцией литературного двуязычия М.В. Ломоносова, где от русского языка отсекается церковнославянский язык. Затем с осознанием значимости в русском языке двучленной оппозиции – литературный язык и диалект – чётко осмысливается территориальная, а затем и социальная ограниченность русских диалектов и внетерриториальность кодифицированного русского литературного языка. Однако при этом подчёркивается высокая гомогенность русского языка, которая в своё время поразила М.В. Ломоносова после разрозненности языка в небольшой Германии: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится» [16: 5].

Тем не менее, актуальная для Европы проблема изучения лингвистического региона становится важной и для России, в том числе и в условиях кодификации и распространения через обучение, книжность и масс-медиа современного русского литературного языка. Возникает потребность в обозначении территориальной специфики русского языка в виде регионального языка, региолекта (В. И. Тру-

бинский, А. С. Герд, В. И. Беликов, А. П. Майоров), «состояний» как проявления языковой системы в данной языковой ситуации (Г.В. Степанов, М.А. Бородина) и др. Каждый компонент функциональной парадигмы языка – это *категории исторические*, следовательно, на разных этапах своего исторического развития они имеют разный набор признаков и могут возникать, видоизменяться или утрачиваться в определённых исторических условиях. По-разному проявляется статус компонента в разновременных функциональных парадигмах языка. В частности, с появлением литературного языка его роль и распространённость по сравнению с другими наддиалектными образованиями постоянно усиливается, в том числе и за счёт их вытеснения на периферию парадигмы. Возможна и полная утрата ряда наддиалектных форм языка, в результате чего функциональная парадигма, например, современного русского языка может характеризоваться оппозицией – литературный язык и диалект. При этом если территориальная специфика диалекта изначально и непосредственно связана с определённой территорией, то литературный язык, пройдя стадию узуальной литературной нормы, в своей кодификации в грамматиках и словарях, на первый взгляд, отходит от территориального варьирования, но в условиях демократизации происходит определённое его приращение за счёт территориальной специфики. Эту ведущую тенденцию современного русского литературного языка отмечает В.Г. Костомаров как «некий имманентный закон развития языка» [13: 16] – создание общего правильного образованного языка, отвечающего запросам общества, но в то же время разнообразие социальных и коммуникативных потребностей этого общества обуславливает разнообразие литературного языка даже внутри, казалось бы, жёстко кодифицированной нормы.

Историческая изменчивость функциональной парадигмы языка и отдельных её страт, нередко сохранивших свои некие «следы», в сочетании с особенностями её территориального отражения и специфики контактирования с другими языками, безусловно, формируют определённый лингвистический «рельеф», не всегда явно выраженный на всех уровнях языковой системы, как это наблюдается при стратификации языка, но имеющий свой «набор» языковых признаков, чаще всего проявляющийся в лексическом своеобразии, мотивированном геополитическим, историческим, географическим, этническим, конфессиональным статусом определённого региона. Следует подчеркнуть, что на территории Российской Федерации, во всей видимости, нет оснований говорить о региональных языках, как это наблюдается при стратификации французского языка в современной Франции. Даже в том случае, когда утверждается такой региолект, например дальневосточный, то в основном описывается не система языка в соединении диалектов, смешении разных языков при их контактах, территориальные варианты русского литературного языка, а уделяется внимание особым, чаще всего заимствованным лексическим единицам, которые можно было бы назвать *регионализмами* или *провинционализмами*, поскольку они выступают как отдельные особенности местной разговорной речи и, как правило, являются словами узуального значения, неактуальными для страны в целом, но весьма востребованными в определённом регионе, так как отражают особенности сложившегося местного быта. При этом такие лексические единицы ближе к просторечию, но редко имеют эмоционально-стилистическую окрашенность. Это естественные региональные проявления русского языка в проекции на реальную жизнь конкретного региона, имеющего своё этническое,

конфессиональное и в определённой степени социально-«профессиональное» своеобразие.

Языковая ситуация любого региона уникальна, самодостаточна и ценна. Оренбургский край в этом отношении не является исключением. Однако конгломерат языков, наречий и речений на его территории способствовал активным процессам интерференции, выживанию и закреплению наиболее жизнеспособных и выразительных языковых единиц. Формирование новых систем говоров на базе неоднородных элементов (в том числе и неславянского происхождения) стимулировалось оторванностью от материнских диалектов и отсутствием монолитной, достаточно обширной территории их распространения. Речь выходцев более 20 губерний Российской империи смешивалась с говорами казахских племён, башкир и татар, а уральское казачество сдабривало эту смесь как иноязычными заимствованиями, почерпнутыми в многочисленных походах, так и церковнославянскими элементами ревностных хранительниц древнего благочестия [1; 3; 6; 17].

Видимо, необычайный «лингвистический настрой» молодой губернии, породившей уникальное явление мировой лексикографии, был не случаен. Один из основателей Оренбурга – Василий Никитич Татищев, известный учёный, администратор, историк, является автором одного из первых русских словарей. Его Рукописный лексикон был составлен в 30-40-е гг. XVIII в. и захватывает период, когда В.Н. Татищев возглавлял Оренбургскую экспедицию (1737–1739 гг.).

Первому член-корреспонденту Российской Академии наук Петру Ивановичу Рычкову принадлежит начало оренбургской топонимии.

Оренбуржье взрастило «исполина русской поэзии» – Гавриила Романовича Державина. Н.В. Гоголь, оценивая вклад нашего земляка в русскую культуру, писал: «Изникнув из крепких начал русской природы, воспитавшись на непоколебимом камне нашей Церкви, он стал одним из двух начал, на которых вмиг образовалось третье – явился Пушкин». Особенный стиль Державина, который требует серьёзных исследований, явился своеобразным слепком языковой ситуации Оренбургской губернии. Показательно, что в одном из лучших произведений Г.Р. Державина – «Фелице», в комментарии к которой автор признаётся, что «имел ввиду свои деревни в Оренбургской губернии в соседстве от киргизской орды», – необыкновенно гармонично представлена до этого неведомая русской поэзии широта и вольность языковых средств – от церковнославянизмов до тюркизмов.

Не случайно другой великий «оренбурец» (так его при встрече назвал Г.Р. Державин) – Сергей Тимофеевич Аксаков стал, по мнению К. Бальмонта, «создателем самой чистой, первородной речи».

Оренбургская земля подарила миру одного из самых выдающихся лексикографов – составителя «сокровищницы народной речи» Владимира Ивановича Даля. Пятьдесят три года В.И. Даль собирал, составлял и совершенствовал свой знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка», но его основной замысел и ядро родились в Оренбургской губернии, где, как в горниле, сплавлялась речь большинства жителей России. В.И. Далю принадлежит и первое описание языковой ситуации Оренбуржья и оренбургских русских говоров, в системе которых закреплялись наиболее жизнеспособные и выразительные языковые единицы, вошедшие в уникальное явление мировой лексикографии и в произведения В.И. Даля оренбургского периода.

В.И. Даль утверждает важность сохранения уникальной сокровищницы живой речи: «Простонародный язык – корень и основание образованного языка; последний, со всеми прикрасами своими и со своею грамматикой, должен признать простонародный язык наш родным отцом своим, и в то же время живым, наполняющим источником» [10: т.1, III]. Однако к мнению В.И. Даля – ценителя и знатока живого слова – не прислушались: в царской России народная речь отвергалась как «мужичий» язык, в советское время – как испорченный литературный язык. Такое отношение вело к борьбе с важнейшей частью языка и культуры, к разрушению выработанного веками наследия и возникновению суррогатных субкультур.

В Оренбуржье Далевские традиции собирательства слов и «речений» продолжились почти через век, несмотря на то, что записи диалектной речи на территории Оренбуржья велись и после В.И. Даля, однако их системное изучение началось только в конце 40-х гг. XX в., когда в собирании и исследовании оренбургских русских говоров приняли участие известные учёные, волею судьбы оказавшиеся в Оренбургской области – Н.И. Зорин, В.И. Лыткин, Н.А. Мещерский, а затем работа была продолжена их учениками – В.Г. Руделёвым и Б.А. Моисеевым. Исторически сложилось так, что только Б.А. Моисеев, которому известный диалектолог, профессор МГУ С.А. Копорский оставил рекомендованную профессором В.И. Лыткиным тему по родным соль-илецким говорам, продолжил в одиночку изучать оренбургские говоры. В это время в связи с традиционно активными процессами миграции в Оренбуржье и разрушением сельского уклада утрачивались системы говоров. Но Б.А. Моисееву удалось сохранить ряд диалектных особенностей русских оренбургских говоров в подготовленных к началу 80-х годов двух рукописях – хрестоматии и словаря оренбургских русских говоров по записям 50-70-х годов, сделанных самим Б.А. Моисеевым или под его руководством студентами и выпускниками Оренбургского пединститута.

Тонкие замечания В.И. Даля об оренбургских русских говорах и отражение оренбургской лексики в «Толковом словаре живого великорусского языка» дополнились систематизированными материалами Б.А. Моисеева, что позволило продолжить исследования особенностей формирования, развития и разрушения вторичных говоров, где тем не менее возможно установить особенности освоения новых территорий переселенцами, усваивающими не только новый предметный мир, но и вступающими в различные отношения с новыми соседями, которые, как правило, являются носителями другой традиционной культуры [4; 5; 8]. Вынужденное контактирование, если оно не укладывается в рамки насильственного завоевания, при условии преодоления или ослабления противостояния «свой – чужой», как правило, влечёт за собой складывание таких отношений, которые позволяют «соседям» обмениваться достижениями обиходной культуры, что, наш взгляд, всегда влечёт за собой определенные изменения в сознании народа. При этом следует учитывать, что, несмотря на кажущуюся изменчивость жизненного уклада человека, обиходный слой духовной культуры, как справедливо утверждает А.М. Панченко, составляет фундамент слоя событийного, который является «плотью и кровью эволюции, неиссякаемого потока новизны», тогда как «обиход слагается из “прописей”, из принятых каждой социальной и культурной формацией аксиом, трактующих о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющих поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации» [15: 81,83]. Все виды словарей диалектных, областных – это текст, фиксирующий духов-

ную культуру не только в её новизне и изменчивости, а в традиционности вечно человеческого, не подверженного ни коррекции, ни нивелировке. При этом такие словари открывают и национальное своеобразие каждого народа в том положительном смысле, который раскрывает русский философ И.А. Ильин: «Каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от природы <...> И у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории <...> Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... Он по-своему возносится духом и кается. По-своему организуется. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости, иной характер, иная дисциплина, иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом, у каждого народа иной, особый душевный уклад и духовно-творческий акт» [11: 3].

Таким образом, естественное языковое контактирование приобретает лингвокультурологическое звучание, поскольку определяется необходимой в новых исторических и географических условиях эволюцией традиционной народной культуры, о чём свидетельствуют записи оренбургской диалектной речи в словарях В.И. Даля, Н.М. Малечи, Б.А. Моисеева, предоставляющие нам сведения о том многообразном и, как правило, позитивном диалоге между людьми, обусловленном контактированием, потребовавшим выстраивать совместную деятельность в хозяйственной сфере и торговле, которая переходила сначала в личные дружеские отношения, достаточно ярко проявляющиеся в культуре питания, а в дальнейшем способствовала возникновению сложившегося сообщества определённой территории, несмотря на разность мировосприятия, традиций и обихода, вопреки неприятию и даже враждебности. В результате Оренбуржье реализовало широкий спектр смешения диалектных особенностей, унаследованных от географически закономерных различий быта, обычаев, культуры [2; 9].

Фактически «Оренбургский областной словарь» – это не только та единственная продукция, «чем лингвистика отчитывается перед обществом» [12: 373], но и сохранённое благодаря деятельности Б.А. Моисеева оренбургское лексическое богатство практически за последние сто лет. Следует подчеркнуть, что лексикографическая деятельность – удел не многих. Как справедливо утверждает В.В. Морковкин, «чтобы заниматься созданием словарей, надо обладать особым темпераментом, особыми наклонностями и особым складом ума. Готовность изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год исследовать и описывать слова, бесконечные вереницы слов предполагает, в частности, определенное превышение аналитических способностей над способностями синтезирующими». Кроме того, «в практической деятельности лексикограф лишён привилегии выбирать для рассмотрения только такие проблемы, которые ему по душе; проблемы перед ним ставятся самим лекси-

кографируемым материалом, постоянное общение со словами, каждое из которых в большинстве случаев неповторимо... лучшие лексикографы, создавая выдающиеся лексикографические произведения, аккумулируют в процессе их создания огромные массы знания» [14: 39-40]. Б.А. Моисеев обладает указанными способностями лексикографа, среди которых особо следует подчеркнуть неизбывную скрупулёзность и педантичность, но ему также присущ необычайный интерес (более чем три четверти века) к языковым особенностям родной ему оренбургской земли. Он, действительно, как писал В.И. Даль, служитель словаря, а не указчик ему, а Словарь стал трудом его долгой и плодотворной жизни.

Необходимо отметить, что Б.А. Моисееву принадлежит первенство системного научного описания Оренбургского топонимического пространства. По просьбе автора этих строк, Б.А. Моисеевым была подготовлена монография «Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимические очерки» (2013), собранная из статей и заметок разных лет. С дополнениями и изменениями она была переиздана в 2016 г. («Топонимические очерки Оренбуржья. Научно-популярное издание»).

Накопленный материал позволяет в определённой степени исследовать языковое пространство Оренбуржья и выявить уникальные особенности оренбургских русских говоров и ономастической системы через призму их территориальной, культурной, социальной, национальной и гендерной специфики, определить их зависимость от изменений общественно-политической, экономической и культурной жизни общества [7; 8; 18].

В связи с этим данная монография представляет опыт систематизации исследований языкового пространства Оренбуржья, зафиксированного в оренбургских русских диалектах, ономастической системе и разновидностях речи оренбуржцев. В основу монографии положены статьи разных лет, затрагивающие в той или иной степени лингвистический потенциал Оренбуржья, интерес к которому возник в конце 90-х гг. прошлого века под влиянием кандидата филологических наук, доцента Оренбургского государственного педагогического университета Лидии Сергеевны Паниной, которая всю свою научную жизнь посвятила собиранию и изучению паремий народов Оренбуржья, активно участвовала в организации и проведении научных мероприятий, посвящённых Оренбургскому краю, а также обладала удивительным свойством «теплить любовь к науке» не только в себе, но и в других.

В преддверии 97-летия известного оренбургского краеведа, топонимиста и диалектолога выражаю признательность Б.А. Моисееву, без работ которого невозможно исследование лингвистического пространства Оренбуржья. В связи с этим выражаю свою признательность руководству и преподавателям ОГПУ, которые способствовали публикации трудов Б.А. Моисеева – Р.Д. Иванченко, И.Н. Рожкову, В.С. Болодурину, С.А. Алешиной, П.А. Якимову, а также Президенту благотворительного фонда «Евразия» И.В. Храмову.

Особо благодарю доктора филологических наук РФ Л.М. Устюгову (г. Ужгород, Украина), коллектив кафедры русистики Университета св. Кирилла и Мефодия в Трнаве Словацкой республики (заведующая кафедрой доцент Andrea Grominová, профессор Josef Dohnal, доцент Lukáš Gajarský, ассистент Figedyová Marianna), а также доцента Татьяну Григорянову (Братиславский экономический университет) за моральную и техническую поддержку в период подготовки монографии к печати.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26